—

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Мѣстечко Батуринъ. (1)

Въ 12 часовъ утра 22 Іюля пріѣхалъ я въ Батуринъ. День былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ въ этомъ году; на небѣ только кой-гдѣ были разбросаны маленькіе клочки облаковъ; солнце жгло невыносимо; воздухъ былъ такъ душенъ и сухъ, что все располагало болѣе къ нѣгѣ, чѣмъ къ ѣздѣ въ такую жару, и притомъ на изнуренныхъ лошадяхъ. Кромѣ того, опасаясь, чтобы этотъ жаръ не былъ предвѣстникомъ грозы, или по крайней мѣрѣ сильнаго дождя, я рѣшился переждать нѣсколько часовъ. Почтовая станція, въ которой я остановился, не отличалась ни чѣмъ отъ прочихъ станцій: та же шнуровая книга, лежащая на запыленномъ столѣ, и часы съ едва-чокающимъ маятникомъ въ первой комнатѣ, и тѣ же стулья и диваны въ остальныхъ двухъ. Послѣдняя изъ нихъ, защищенная съ одной стороны широкой, развѣсистой липой, а съ

(1) Черниговской губерніи, Конотопскаго уѣзда.

другой навѣсомъ, казалась немного прохладнѣе, потому я и расположился въ ней, на диванѣ у окна, выходящаго въ небольшой садикъ. Вездѣ царствовала тишина, прерываемая только жужжаніемъ мухъ, и по временамъ криками погонщиковъ, везущихъ воду для завода; на дворѣ, на «призьбѣ» расположилось нѣсколько чумаковъ, рѣшившихся, подобно мнѣ, переждать, пока сдѣлается немного попрохладнѣе, или, какъ они сами говорили, «поки жаръ трохе спадэ»; нѣкоторые изъ нихъ лежали, другіе, сидя на корточкахъ, молча курили трубки, и только изрѣдка передидывались немногими словами. — «А что земляки, спросилъ я ихъ, какъ вы думаете, будетъ ли дождь?» — При этомъ вопросѣ нѣкоторые посмотрѣли на меня какъ-то вопросительно, другіе же по прежнему продолжали курить; я не повторилъ вопроса. Снова продолжалось нѣсколько минутъ молчаніе, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ приподнялся немного, снялъ шапку, посмотрѣлъ на небо, и не выпуская трубки изо рта, пробормоталъ: «дождь кажете вы?» — «Да, дождь.» — Тутъ онъ снова посмотрѣлъ на небо, медленно надѣлъ шапку, не упустивъ при этомъ благопріятнаго случая почесать въ затылкѣ, и подумавъ еще нѣсколько минутъ, рѣшился отвѣтить: «та Богъ его зна.....мовь здаетце що буде.....бо щось дуже пече.» — Зная ихъ неразговорчивость, и извѣдавши самъ на опытѣ, какая лѣнь бываетъ въ такую жару дѣлать что-нибудь, даже говорить, я прекратилъ свои разспросы. Минутъ чрезъ сорокъ меня разбудилъ страшный ударъ грома, вслѣдъ за нимъ полился мелкій густой дождь, и живительная прохлада проникла въ мою комнату; шумная толпа маленькихъ ребятишекъ хлынула на улицу, и поднявши рубашенки, весело и съ крикомъ перепрыгивала чрезъ лужи, между тѣмъ какъ чумаки съ какимъ-то нѣмымъ уваженіемъ обнажили свои сѣдыя, запыленныя головы, подставя ихъ подъ благотворныя капли дождя. Хотя онъ продолжался не болѣе четверти часа, но и этого времени было довольно, чтобы оживить все въ воздухѣ, придать болѣе бодрости животному и самому человѣку: и волъ шелъ веселѣе и живѣе подъ своимъ обычнымъ ярмомъ, и пѣтухъ, встрепенувшись, запѣлъ громче и смѣлѣе, и воздухъ наполнился новымъ, свѣжимъ запахомъ цвѣтовъ. И все встрепенулось въ Божьемъ мірѣ съ какою-то радостію, и веселѣе пришлось продолжать свой обычный путь.... А между тѣмъ солнце снова выглянуло изъ-за синихъ тучъ, и косвенные лучи его заиграли на свѣжихъ каплях дождя; съ другой стороны и старый домъ Графа Разумовскаго привѣтливѣе выглянулъ изъ своего одиночества. Вотъ ужъ скоро канетъ цѣлое столѣтіе со времени его основанія, много бурь и непогодъ процѣлось надъ

нимъ, а онъ все-таки остался цѣлъ и невредимъ! Пройдутъ вѣка — и слава основателя его будетъ носиться въ туманномъ далекѣ, а преданіе о немъ исчезнетъ между мирными жителями мѣстечка, какъ исчезаетъ воспоминаніе о предшествовавшихъ его обитателяхъ.... И вотъ, въ воображеніи моемъ проносятся былыя времена минувшаго и смутно, какъ бы въ далекомъ туманѣ, возстаютъ древніе обитатели Батурина, давно покоящіеся мирнымъ сномъ. — Вотъ Стефанъ Баторій, въ царствованіе котораго Малороссія наслаждалась спокойствіемъ и счастіемъ, и благодѣянія котораго такъ краснорѣчиво описалъ Бандуристъ. — «То не витеръ буйный по степахъ вые, завывае; то не Ханъ Татарській на Украину войско свое насылае, щобъ вона Украйну, ридну мати нашу, безневинно плиндровало, жинокъ то дивокъ, та добро наше у полонъ брало забирало, коней та овецъ, сю Божію скотину у свои джерела загоняло, казацьки холивы разбивало и разоряло; то гоминній Богданко у сихъ козакивъ у громаду созывае, у сихъ козакивъ, и служивыхъ и простыхъ, и сосидивъ и подсосидкивъ, и хорунжихъ, и прочихъ иныхъ старшихъ, у сихъ хорабрыхъ сотникивъ и полковникивъ укупу сзывае, скликае, да громады збирае; а самъ то середнии выхожае, и шаблюкою блистае, святымъ мистамъ три пиклоны покладае, а на четыре стороны по одному поклону, та казакамъ одинъ поклонъ, та ще сотникамъ, та полковникамъ поклонъ; до Бога молитву читае, а до казакивъ до всіеи громады такъ промовляе: — то не витеръ буйный по степахъ вые, завывае; то не Ханъ Татарській на Украину війско свое насылае, щобъ вона Украину ридну мати нашу, безневинно плиндровало, жинокъ та дивокъ, та добро наше брало забирало, коней та овецъ, у сю Божію скотину у свои джерела загоняло, казацьки холивы разбивало и разоряло; то Король Польши намъ и вамъ подарокъ высылае, великій даръ даруе, насъ и васъ мануючи и поважаючи», и проч. — Ему же принадлежитъ честь основанія Батурина, названнаго по его имени и вскорѣ сдѣлавшагося резиденціею Гетмановъ. И вотъ картина смѣняется, и является блистательная толпа Малороссійскихъ Гетмановъ. Вотъ Богданъ Хмельницкій, освободитель отчизны; вотъ онъ стоитъ среди многочисленнаго собранія, окруженный послами разныхъ земель, изображаетъ казакамъ всѣ бѣдствія, перенесенныя ими отъ Поляковъ, объявляетъ имъ о желаніи своемъ присоединить Украйну къ Россіи и о согласіи Россійскаго Самодержца присоединить ее къ своимъ владѣніямъ, и оканчиваетъ рѣчь слѣдующими словами: «кромѣ его Царскія руки благотишнѣйшаго пристанища мы не обрящемъ, а будетъ кто съ нами несогласуетъ теперь,

тотъ куды хочетъ — вольная дорога». — Народъ волнуется, живо вспоминаетъ свои прежнія несчастія, и тысяча голосовъ единодушно восклицаетъ: — «Волимъ подъ Царя Православнаго»! — Но приблизилась послѣдняя минута его жизни: «ой пишла тягнна жальнедоля та по всіей Украини, якъ сталася смута у городи у Чигрини, що панъ Гетьманъ Хмѣльницькій Богданъ тяжко занедуговавъ; до себе у сихъ старшинъ, сотникивъ та полковникивъ иззывавъ, то на Роди изо всими опрощенье мовъ, привиты клавъ, що у сю Украину миромъ заставлявъ, до послида годины дохожавъ.... То не чорны хмары ясне сонце оступали; не буйныи витры у темному лузи бушували, — то казаки Хмѣльницкаго ховали, батька свого оплакали». Привязанность казаковъ къ батьку своему, (какъ они называли Хмѣльницкаго) простиралась до такой степени, что по смерти его они, не смотря на молодость, и неспособность сына его къ правленію, не хотѣли имѣть другаго Гетмана, какъ только Юрія; но Юрій не оправдалъ довѣрія къ нему народа: слабый, малодушный, онъ предавался на сторону то Поляковъ, то Татаръ, былъ то монахомъ, то снова дѣлался вольнымъ казакомъ, окружалъ себя любовницами, принялъ магометанство, и кончилъ жизнь свою самымъ жалкимъ образомъ.

Чи то тобі Туречина
Такъ зятя далася?
Чи то тобі Гетьманьщина
Отъ такъ нитдалася?

Вотъ хитрый, пронырливый Брюховецкій, изъ простаго слуги — Мартынца, сдѣлавшійся Гетманомъ. «Начало его правленія, говоритъ Максимовичъ, ознаменовано неблагодарностію и мстительностію; средина — разрушеньемъ селъ и городовъ, пожарами жилищъ, гибелью жителей; конецъ—измѣной и предательствомъ предъ Царемъ и благодѣтелемъ; смерть — подъ дубиною». Вотъ Многогрѣшный, сдѣлавшійся жертвою зависти казацкихъ старшинъ, и окончившій жизнь свою въ Сибири: «онъ былъ самъ виновникомъ своего паденія, говоритъ Бантышъ-Каменскій, раздавъ всѣ почти полковничьи мѣста родственникамъ и друзьямъ своимъ»; и несправедливо упрекаетъ Энгель, будто бы Московскій дворъ тайно участвовалъ въ его низверженіи. Ригельманъ въ своемъ лѣтописномъ повѣствованіи о Малороссіи, описывая взятіе Многогрѣшнаго, также говоритъ: «Карпъ Мокріевичъ согласясь съ прочею генеральною старшиною, за причиненную якобы отъ Гетмана противу Царя измѣну (чего отъ него по обстоятельствамъ весьма не оказывалось, а паятельно по ненависти) вдругъ и нечаянно ночью» и проч. Вотъ

выступаетъ на сцену бѣдный сынъ священника, Иванъ Самойловичъ, избранный Гетманомъ послѣ Многогрѣшнаго; но по клеветамъ лишенный своего сана и сосланный сперва въ Орелъ, потомъ въ Нижній Новгородъ и наконецъ въ Тобольскъ, гдѣ скоро и окончилъ свою жизнь насильственнымъ образомъ. Долго, долго оплакивала вся Украйна его смерть.... Но вотъ, бѣдный Польскій уроженецъ, честолюбивый Мазепа, своими хитростями и коварствомъ достигшій Гетманской булавы; все, что носитъ на себѣ хоть малѣйшій отблескъ свободы, все падаетъ отъ его жадной руки. Прежніе его ученики, дѣти бывшаго Гетмана Самойловича, первые подверглись его гоненію; въ слѣдъ за ними пали жертвою его же коварства: Кочубей, Искра, Моисей и Павелъ Полуботокъ—краса Малороссіи, по выраженію лѣтописца. Такъ по его же происками сосланъ былъ въ Сибирь и Палій, о которомъ, и до сихъ поръ сохранились преданія между Украйнцами. Сынъ *простаго Борзняковскаго казака*, Палій участвовалъ съ своимъ отцомъ во многихъ битвахъ, «и зазвучитъ бывало труба,—Палій простится съ старымъ отцомъ и съ матерью, выѣдетъ шагомъ за браму своего хуторка, будто печальный, а потомъ помчится, полетитъ на копѣ, и жди его недѣль черезъ двадцать веселаго, беззаботнаго, съ богатой добычей». Въ 1670 годахъ онъ былъ въ дружинѣ Дорошенка; но скоро не полюбилась ему подчиненная служба, и онъ обратился къ вольнымъ казацкимъ дружинамъ, жившимъ по Днѣпру, между Кіевомъ и Трубежемъ. Скоро слава о его мужествѣ и храбрости, о его наѣздахъ на Поляковъ и Татаръ, пронеслась по всей Украйнѣ. Когда Мазепа сдѣлался Гетманомъ, Палій былъ уже полковникъ Хвостовскій, жилъ онъ у себя весело и счастливо въ своихъ земляхъ, считаясь только въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана западной Украйны Самуила Иваненко, или какъ его обыкновенно называли, Самуся. Позавидовалъ Мазепа богатству и славѣ Палія, и сталъ думать да гадать, какъ бы его погубить. Небольшаго труда стоило хитрому Гетману подослать своихъ клевретовъ къ Польскому правительству, умѣвшихъ оклеветать Палія: его схватили на дорогѣ въ Кіевъ, куда онъ ѣхалъ на богомолье, и засадили въ Магдебургъ на вѣчное заточеніе. Но друзья его не дремали; задумавъ освободить своего «батька», они послали въ Магдебургъ огромный обозъ съ разными товарами, въ которомъ тайно скрывались триста Палієвыхъ лыцарей»; и вотъ наступаетъ ночь, вооруженные казаки выходятъ изъ своихъ фуръ, освобождаютъ Палія, захватываютъ съ собой четыре крѣпостныя пушки, и прежде чѣмъ успѣлъ проснуться сонный городъ, они давно уже неслись по дорогѣ къ своему дому. Такъ пер-

вая попытка Мазепы не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. И снова весело и шумно зажилъ Палій; завоевалъ Бѣлую Церковь, Немировъ и другіе города, находившіеся прежде въ рукахъ Поляковъ. Въ это же время пришла ему мысль сдѣлаться подданнымъ Царя Русскаго, и съ этою цѣлью просилъ онъ Мазепу доложить объ немъ Петру; но Мазепа, думая, что прежнія его козни были извѣстны Палію, и подозрѣвая въ этомъ какое-нибудь злое намѣреніе, отказалъ ему; а между тѣмъ снова старался оклеветать его въ глазахъ Короля Польскаго и Русскаго Царя, но видя, что силой нельзя ничего было сдѣлать, онъ прибѣгнулъ къ хитрости Подъ предлогомъ примиренія, пригласилъ его къ себѣ въ Бердичевъ — погулять вмѣстѣ; по своему простодушію. Палій не подозрѣвалъ никакого обмана, и принялъ приглашеніе. Хитрый Мазепа воспользовался этимъ случаемъ: напоилъ его допьяна, и закованнаго бросилъ въ темницу. Спустя немного времени, обремененный тяжкими кандалами, Палій мчался, на простой телѣгѣ, изъ Москвы въ Енисейскъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII.

Высоко солнце заходить,
Низенько ложиться;
Ой, де-сь то панъ Палій Семенъ
Теперя журиться!
Высоко солнце заходить,
Низенько заходить;
Ой, де-сь то панъ Палій Семенъ
На Сибиру бродить!

Почти три года томился бѣдный старикъ въ заточеніи; но приближается 1709 годъ, измѣна Мазепы открывается, и Палій снова получаетъ свободу. Съ новою силою, съ новой отвагой принялся онъ за саблю, и новая слава покрыла его на поляхъ Полтавскихъ. Пришла же наконецъ и ему пора сложить свою буйную голову, и 18 Января 1710 года, мирно онъ кончилъ жизнь свою въ Межигородскомъ монастырѣ; а народъ и до сихъ поръ проклинаетъ Мазепу:

Кажуть люди: у городи у Бендери
Чогось смутно стало;
Чи то того, що Івана Мазепу
Лихо доконало?
Ой то того, що Івана Мазепу
Лихо доконало;
Ой то того, що Мазепина слава
Марно пропала.
Ой то того, що Мазепина слава
Марно пропала,
Якъ его тѣло бусурманське
У Бендери земля примала.

— Не разсказываютъ ли чего-нибудь у васъ про Мазепу? спросилъ я у ямщика, который показывалъ мнѣ дома Графа Разумовскаго.

— Про Мазепу..... кажете вы?

— Да, про Мазепу.

— Якъ не разсказывать, разсказываютъ богацько дé-чого..... Мій покойный батько казавъ, що бачивъ его самъ.

— Что же онъ разсказывалъ тебѣ объ немъ?

— Хе..... казавъ, що бувъ колись Мазепа..... такій хитрой соби человикъ..... та всего не припомню, бо я бувъ тоди дуже маленькій.

— А нѣтъ ли у васъ теперь какого-нибудь старика, который бы зналъ Мазепу?

— Ни, нема..... бувъ колись уже давно одинъ старій человикъ, та и той уже вмеръ, а теперь никого не всталось.

Занимательна судьба послѣдняго Гетмана Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго. Мать его была бѣдная женщина, жена регистроваго казака, Григорія Разума; кромѣ Кирила у ней былъ еще сынъ Алексѣй. Не получивши сама никакого образованія, она не могла и дѣтямъ своимъ дать хорошаго воспитанія, и рано уже они сдѣлались простыми пастухами. Незаманчивая будущность представлялась имъ! Но вотъ, однажды, снится ей сонъ, что въ избѣ у ней на потолкѣ свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды — все вмѣстѣ. Она разсказала свой сонъ сосѣдямъ, они смѣялись надъ ней; дня черезъ три проѣзжаетъ чрезъ то село, въ которомъ она жила, полковникъ Вишневскій; увидалъ мальчика красивой наружности, съ звонкимъ голосомъ и взялъ его съ собою. То былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, чрезъ нѣсколько лѣтъ — Рейсъ-Графъ, Генералъ-Фельдмаршалъ. А братъ его, Кирила Григорьевичъ, вскорѣ сдѣлался Графомъ и Гетманомъ.

Въ Батуринѣ не сохранилось никакихъ остатковъ отъ прежнихъ украшеній, и между жителями его едва существуютъ темныя преданія о прежнихъ обитателяхъ, какъ можно было видѣть изъ предшествовавшаго разсказа.... Такъ время все изглаживаетъ изъ памяти людей!.....

Но вотъ солнце зашло за тучу, и старый домъ снова кажется какимъ-то скучнымъ, какъ будто бы онъ чувствуетъ свою пустоту и одиночество, а внизу Сеймъ мѣрно и тихо катитъ свои волны, какъ катилъ прежде, и какъ будетъ катить долго, долго....

—

Мѣстечко Корецъ (1).

Еще за нѣсколько верстъ до Корца, можно ужъ было догадаться, смотря на праздничныя лица крестьянъ, которые толпами спѣшили въ мѣстечко, что тамъ была ярмарка или какой-нибудь народный праздникъ. И чѣмъ ближе я подъѣзжалъ, тѣмъ движеніе становилось все болѣе и болѣе: то вдругъ сворачивала съ проселка на большую дорогу крестьянская телѣга, запряженная парою тощихъ лошадокъ, на время только оторванныхъ отъ сохи; то тянулась длинная бричка Бердичевскаго жида, дребезжа, и грозившая разрушиться отъ малѣйшаго толчка; то вдругъ показывался плетеный шарабанъ какого-нибудь Польскаго пана, на которомъ гордо сидѣлъ кучеръ, покрикивая «гей» и громко хлопая бичемъ. Все это перемѣшивалось толпою народа, который также спѣшилъ придти заранѣе, потому что день ужъ клонился къ вечеру; а среди этой смѣси разныхъ лицъ, говора, шума, блеянія стадъ, плелись также и нищіе, разсчитывая на хорошій сборъ. — Такъ какъ мнѣ надобно было своротить съ большой дороги нѣсколько въ сторону, то я послалъ нанять вольныхъ лошадей, а самъ между тѣмъ пошелъ остатривать мѣстечко. Корецъ принадлежитъ теперь Князьямъ Черторижскимъ; отъ прежняго его величія въ немъ уцѣлѣли только развалины двухъ старыхъ замковъ; въ одномъ изъ нихъ помѣщалась прежде фарфоровая фабрика, а теперь находится католическая церковь; другой же сдѣлался жилищемъ крысъ и летучихъ мышей. Когда я подходилъ къ нему, солнце было уже близко къ закату, и его послѣдніе красные лучи переливались разноцвѣтными огоньками на кой-гдѣ изъ уцѣлѣвшихъ стеколъ башенокъ, а внизу Случъ съ ревомъ разсѣкалъ свои волны о выдавшіеся камни, и шумъ его отдавался глухимъ эхомъ въ старомъ замкѣ. Углубляясь въ него, шумъ становился все тише, тише, и наконецъ совсѣмъ пересталъ; только одни мои шаги и хлопанье туфлей моего проводника, Еврея, прерывали это безмолвіе; такъ шли мы нѣсколько минутъ, но вдругъ намъ послышался небольшой гулъ, который усиливался все болѣе и болѣе, и наконецъ превратился въ одинъ общій шумъ; предъ нами снова открылся Случъ, и шумящій еще съ бо́льшимъ ревомъ, чѣмъ прежде. Его поверхность, отражающая солнце, готовое чрезъ нѣсколько минутъ спрятаться за горизонтъ, переливалась красноогненными отливами. Я невольно остановился, пораженный чудною картиною. — Проводникъ мой, Еврей, замѣтивъ, что я молча любуясь этимъ мѣстомъ, съ хитрою улыб-

(1) Волынской губерніи, Новградъ-Волынскаго уѣзда.

кою подошелъ ко мнѣ: — «Ясновельмозному пану нравится це мистo?... Воно очень оцень замѣчательно: нисколько литъ тому назадъ, тутъ зилъ одинъ человѣкъ, дузе уза старый. Вийде було винъ соби одинъ, съ палоцкою въ рукахъ, и долго стоитъ на симъ мистѣ, и смотритъ то на рицку, то на мистецко, то такъ просто на поле. Отъ разъ стоитъ винъ соби по обыкновенію, якъ вдругъ видитъ, цто идетъ къ нему какой-то панъ, такій уже соби немолодый, въ старомъ Польскомъ куптушѣ, съ саблею на боку, и такъ страсно смотрѣлъ, цто бѣдный старикъ перепугался (при этомъ словѣ жидъ самъ, кажется, струсилъ порядкомъ, и съ боязнію осматривался кругомъ), и сталъ передъ нимъ «ни живъ ни мертвъ»; вотъ подходитъ къ нему, кладетъ ему на руку на плецо, и ласково улыбается: — «Благодарю тебя, сказалъ онъ, за то, цто ты такъ долго берегъ мой домъ, и одинъ только не покидалъ его, за то и я тебя не забуду.» И съ этимъ словомъ бросилъ ему мѣсокъ денегъ: обрадовался старикъ, и не долго думавши, бросился ему въ ноги. «Батюцка мій голуби.....» Ну, ну полно, вставай, перебилъ его панъ. Винъ поднимается и уже никого не было передъ нимъ, тилко мисокъ денегъ лезитъ у него въ погахъ. — «Цуръ мене!»..... закричалъ Иванъ (я и забылъ вамъ сказать, цто его звали Иваномъ), по якъ подымется на гроси, а мисокъ, на ту биду, трохи развязався, все сами цервонцы и горятъ, якъ солнце, такъ и не вытерпѣлъ, насыпавъ не много въ сапку, да и понесъ домой. Но странно дѣло: винъ полозивъ туда не больше пригорсци, но покуда донисъ до дому, сапка сдѣлалась полнесенкою. — «Цто за бисовска стука!» подумалъ Иванъ. Узе винъ хотилъ было высыпать ихъ на землю, якъ тутъ выбигла на встрѣцу его маленька внуцка. — «Здравствуйте дидусю! я оце все васъ здала да и не вытерпила, сцобъ ни побихты вамъ.... Та соце у васъ такс?»

— Гроси моя Люби.

— « Гдѣ вы ихъ достали?»

— Та отъ обходивъ басыню, та била стины и найсовъ оцей мисокъ, и взялъ его.

«Винъ, бацете, наросно одуривъ ее, сцобъ ни злякалась, якъ бы сказавъ всю правду. — И зазилы то-ди воны весело и сцасливо: кто было не иде мимо ихъ, всихъ заклицутъ до себе, тому царку горилки, другому кусокъ хлиба пидесутъ, одному мисокъ хлиба, другому проса, одимъ словомъ ни кого не оставятъ. Такъ прозыли вони нисколько времени, но не посцасливились си гросы. Одпажды вранцы, внуцка его вышла умываться къ рицки, та звисно

якъ мала дитина, пацала граться, тоди зе сцей рибы было дузе богато у берега, и вѣрно захотилось ей піймать рукою, или узе Богъ знаетъ за цимъ, тилько она нахилилась, а тутъ нога, яко сто поскользнулась, и вона политила головою внизъ. Никто не цувъ ій крика, тилько на другой день насли мертвее тило бидной дивоцки. Смерть внуцки дузе опецалила Ивана, и съ тихъ поръ винъ пацалъ все худить, худить, той скоро вмеръ. Разсказываютъ со сце долго видѣли якого-то стараго пана, который расхазывалъ пидля замка, якъ будто цогосъ хотивъ сукаты. И съ тихъ поръ вси боятся зить въ сихъ мисты....» — Дѣйствительно ли существуетъ это преданіе, или было оно просто выдумкою хитраго Еврея, надѣющагося больше за это получить денегъ, я не могъ разузнать, потому что весь народъ былъ на ярмаркѣ. Кромѣ того запряженныя лошади давно уже дожидались, а мнѣ надобно было ѣхать еще далеко.... *Н. Тр.... ..ій,*

—

СЕЛЬЦО ЗАХАРОВО.

На 38-й верстѣ отъ Москвы, по Смоленской дорогѣ, есть поворотъ изъ села *Вяземъ*, направо, въ сельцо Захарово. Лѣтъ сорокъ тому назадъ Захарово принадлежало Осипу Абрамовичу и Маріѣ Алексѣевнѣ Ганнибаловымъ. Здѣсь провелъ первые годы своего дѣтства А. С. Пушкинъ. Я случайно узналъ объ этомъ отъ теперешняго помѣщика сельца Захарова, Н. Н. О—ва, который живетъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жили прежніе владѣльцы. По бокамъ этого дома были въ то время флигеля, и въ одномъ изъ нихъ помѣщались дѣти съ гувернанткой, братья Александра Сергѣевича и онъ. Въ послѣдствіи флигеля, по ветхости, сломаны, а домъ остался почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ былъ при Ганнибаловыхъ. Добрый хозяинъ водилъ меня по саду и показывалъ мѣста, которыя особенно любилъ ребенокъ-Пушкинъ. Прежде всего мы осмотрѣли небольшую березовую рощицу, находящуюся неподалеку отъ дому, почти у самыхъ воротъ. Посрединѣ ея стоялъ прежде столъ, со скамьями кругомъ. Здѣсь, въ хорошіе лѣтніе дни, Ганнибаловы обѣдывали и пили чай. Маленькій Пушкинъ любилъ эту рощицу, и даже, говорятъ, желалъ быть въ ней похороненъ. Онъ говорилъ объ этомъ повару своей бабушки, къ которому былъ особенно привязанъ, вѣроятно потому, что этотъ поваръ былъ человѣкъ словоохотливый и бойкій. Въ послѣдствіи онъ убѣжалъ въ Польшу, и сдѣлался изъ Александра Фролова

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДИКАНЬКА. (Изъ путевыхъ записокъ). Кто не знаетъ нынѣ Диканьку, или кто, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ своей жизни не слыхалъ объ ней? Кто не читывалъ увлекательныхъ повѣстей Стараго *Пасичника*? И, можетъ быть, въ долгій зимній вечеръ, заслушиваясь его, невольно приходило въ голову: «чтожъ-то должно быть въ самой Диканькѣ, когда на хуторахъ, да такъ сладко разсказываютъ? Признаюсь, мнѣ не разъ приходилъ въ голову подобный вопросъ, и я давно уже хотѣлъ побывать въ Диканькѣ, но разныя обстоятельства удерживали меня. Теперь же съ удовольствіемъ я узналъ, что она лежитъ по дорогѣ моего путешествія. Для этого я нарочно выѣхалъ пораньше изъ Полтавы (*), чтобъ до захода солнца поспѣть туда; но, къ несчастію моему, не успѣлъ я отъѣхать нѣсколько верстъ, какъ полился сильный дождь, дорога вскорѣ сдѣлалась такъ грязна,—къ этому присоединилась еще глинистая почва,—что лошади мои едва могли передвигать ноги, и несмотря на все мое желаніе, я пріѣхалъ уже довольно поздно. Огни были уже давно погашены, когда я въѣхалъ въ деревню, и свѣтлая украинская ночь заступила мѣсто недавней грозы. Будить мнѣ никого не хотѣлось, и потому я расположился подъ навѣсомъ постоялаго двора. Тихо и безмолвно было все вокругъ меня; только раздавались медленные шаги церковнаго сторожа, изрѣдка постукивающаго о мѣдную доску; и потомъ снова дѣлалось все тихо и безмолвно. Также тихо и величественно стояли деревья въ какомъ-то чудномъ полусвѣтѣ, едва-едва покачивая своими верхушками; но вотъ, вдругъ, повѣялъ вѣтерокъ, верхушки ихъ покачнулись сильнѣе, и алмазныя капли свѣтлаго дождя съ шумомъ сыпались на землю; то вдругъ фыркнетъ усталая лошадь какого-нибудь богомольца, или старуха пролепечетъ сквозь сонъ: «охъ, Господи, помилуй мя грѣшную»; и снова тихо, и снова безмолвно. Долго пролежалъ я такъ, не смыкая глазъ; но вотъ показался вдали огонекъ, потомъ все ближе и ближе, — то дьячекъ пришелъ съ фонаремъ; слышится шумъ отпирающейся двери, и вслѣдъ за тѣмъ раздается первый благовѣстъ къ заутрени... Громко и величественно повторило его эхо въ ближайшемъ лѣскѣ, потомъ перенесло дальше, повторило слабѣе и слабѣе, и наконецъ

(*) Диканька находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Полтавы.

совершенно изчезло въ дальнемъ полѣ.... Раздался другой ударъ колокола, такъ же величественный, какъ и первый, затѣмъ третій, четвертый.... вдругъ все зашевелилось: тутъ старуха, охая и нашептывая въ полголоса молитву, спѣшила поскорѣе одѣться и отправиться въ церковь; тамъ молодой парень развязывалъ *хустку* (*), въ которой спрятано было нѣсколько мѣдныхъ денегъ для свѣчъ; а вотъ старикъ, опираясь на палку и поддерживаемый своими внучками, спѣшилъ туда же, и не прошло и пяти минутъ, какъ вся церковь была биткомъ набита народомъ....

Къ числу главныхъ примѣчательностей Диканьки, конечно, должно быть отнесенъ чудотворный образъ Святителя Николая, рѣдко кто не сходитъ, хоть разъ въ годъ, на поклоненіе святому Угоднику Божію. Въ особенности же большое стеченіе богомольцевъ бываетъ въ постъ Петра и Павла; вы встрѣтите тутъ, кромѣ Малороссіянъ и русскихъ мужичковъ, не рѣдко даже обитателей отдаленной Сибири. Преданіе говоритъ, что этотъ образъ былъ найденъ однимъ изъ людей Кочубея, который, охотившись въ лѣсу, нечаянно набрелъ на эту икону; она стояла на пнѣ срубленнаго дерева. Обрадовавшись и вмѣстѣ даже испугавшись такой находки (преданіе говоритъ, что отъ нея распространялось большое сіяніе), онъ поспѣшилъ донесть объ этомъ тамошнему священнику; и священникъ, сопутствуемый многочисленнымъ народомъ, перенесъ ее въ церковь; но на другой день, ко всеобщему удивленію, ее не нашли на новомъ мѣстѣ. Бросились искать, и увидѣли, что она находится на томъ же мѣстѣ, гдѣ явилась; ее снова принесли въ церковь; но на другой день повторилось то же самое. И это повторялось до тѣхъ поръ, пока не выстроили новой церкви, въ которую ее и поставили; и теперь еще въ алтарѣ видны остатки того дерева, на которомъ, по увѣренію, ее увидѣли въ первый разъ. Церковь эта довольно красивой архитектуры; но главное, ее краситъ мѣстоположеніе. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до станціи, вы сворачиваете влѣво на узкую проселочную дорогу, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся неизмѣримыя поля ржи и пшеницы; проѣхавши версты три или четыре, въѣзжаете въ густую аллею пирамидальныхъ тополей, которые тянутся до самой площади, гдѣ находится церковь, окруженная со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. 9 мая здѣсь бываетъ храмовой праздникъ, на который съѣзжаются нерѣдко и городскіе жители, и сосѣдніе помѣщики, услужливыя торговки разбиваютъ свои лавочки, а поселяне ближнихъ деревень приносятъ туда масло, сыръ, лица и прочія домашнія про-

(*) Платокъ.

изведенія, и такимъ образомъ импровизируется небольшая ярмарка. Надобно видѣть, съ какою дикою радостію молодыя крестьянскія дѣвушки, одѣтыя по этому случаю въ самыя лучшія свои платья, съ огромными *намистами* на шеѣ, и съ множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ въ косахъ, бросаются на кольца, серьги, ленты и прочіе мелкіе товары. Но съ другой стороны и самая природа не хочетъ уступить деревенскимъ красавицамъ: деревья обыкновенно только что покрываются свѣжими листьями къ этому времени, а на поляхъ вы видите безчисленное множество красныхъ, жолтыхъ, бѣлыхъ, и въ особенности голубыхъ цвѣтовъ, которые издали представляются какъ огромное голубое море (1). По прямой аллеѣ отъ церкви можно пройдти къ дому князя Кочубея; при домѣ находится превосходный садъ, который сдѣлалъ бы честь многимъ изъ губернскихъ городовъ. Садомъ этимъ завѣдываетъ отличный садовникъ — чехъ, нарочно для того выписанный, который, кромѣ того, въ свободное время дѣлаетъ разныя наблюденія надъ малороссійскими зеліями (или, какъ ихъ здѣсь называютъ, гадюками), кои находятся въ изобиліи въ этихъ мѣстахъ.

Этотъ день особенно былъ замѣчателенъ въ Диканькѣ, потому что сборъ сѣна долженъ былъ сегодня окончиться: молодыя дѣвушки старались одѣться почище еще съ ранняго утра, а парни захватывали съ собою балалайки, и всѣ работали прилежнѣе, чтобъ поскорѣе окончить и пораньше возвратиться въ деревню. Я остался до вечера, чтобъ посмотрѣть на эту церемонію. Часу въ седьмомъ пополудни, показалось огромное облако пыли, которое приближалось все ближе и ближе къ деревнѣ, и когда оно вдвинулось въ улицу, тогда только можно было разсмотрѣть, что тамъ происходило: впереди ѣхали возы, нагруженные бочками, казанками (2), ночвами (3) и другими снарядами, необходимыми для приготовленія стравы (4); позади же шли дѣвушки и парни, громко распѣвая пѣсни, приличныя этому случаю. Вотъ нѣкоторые отрывки, которые мнѣ удалось разслушать.

---

(1) Нигдѣ я не встрѣчалъ такого множества голубыхъ и синихъ цвѣтовъ, какъ въ Диканькѣ. Обыкновенно ихъ называютъ—*пролиски*, вѣроятно, отъ того, что они растутъ по большой части въ лѣсахъ.

(2) Небольшой мѣдный котелъ, въ которомъ обыкновенно чумаки варятъ себѣ кашу; онъ очень часто употребляется и въ полевыхъ работахъ для приготовленія пищи. (3) Деревянные лотки, изъ которыхъ обыкновенно ѣдятъ пищу во время сбора сѣна или хлѣба. (4) Страва отъ глагола травить, т. е. какъ бы, растравлять, раздражать желудокъ, означаетъ вообще всякую пищу.

Катылося барылечко (1)
Съ гирки до комирки,
Люблю того козаченька,
Що не пье горилки.
Винъ горилочки не пье,
Люлечки (2) не тягне,
А якъ выйде па улыцу,
Васнлечкомъ пахне.
* *
*
Ой чья жъ то колясочка,
Та съ поля бижить,
А въ тый же колясыци,
Маруся сыдить.
Яки й очи, таки й брови,
Така й голова,
Полюбыла козаченька,
Та якъ сокола.

И много есть еще подобныхъ куплетовъ, которые въ разныхъ мѣстахъ измѣняются на свой ладъ.—Эти пѣсни продолжаются, пока не въѣдутъ въ самую деревню; тутъ начинаютъ разбирать свои имущества, и разбродятся по домамъ, а дома, заботливыя матери успѣли уже приготовить сытный ужинъ для своихъ работниковъ; и чего ужъ тамъ не бываетъ приготовлено? и голушки (3) разныхъ сортовъ, и *зубцы*, и *кваша*.... да всего и не перечтешь.... Поужинавши же, снова выходятъ на улицу, и тутъ пѣсни и пляски продолжаются далеко за полночь.... А тамъ, когда батько и маты давно уже спятъ мертвецкимъ сномъ, нерѣдко назначается какое-нибудь романическое свиданіе па огородѣ между *соняшниками* (4) и пахучими *гвоздыками*. (Послѣднія сдѣлались необходимыми принадлежностями каждой молодой дѣвушки. Онѣ стараются насѣять

(1) Круглый деревянный сосудъ, употребляемый для воды. Здѣсь «катылося барылечко» означаетъ то, что оно ужъ теперь больше ненужно—полевыя работы окончены.

(2) Трубка.

(3) Я думаю, что теперь и въ Россіи имѣютъ понятіе о малороссійскихъ голушкахъ: это тѣсто, сваренное въ водѣ. Оно обыкновенно дѣлается изъ пшеничной или гречневой муки, а иногда даже изъ ржаной, смотря по зажиточности хозяина. По большой части ихъ ѣдятъ, надѣвши на небольшую деревянную палочку, заостренную на концѣ—«настромивши на спычку». Зубцы же и кваша также довольно часто употребляются въ Малороссіи; послѣдняя (т. е. кваша) приготовляется изъ муки различныхъ сортовъ, въ которую наливаютъ воды и даютъ нѣкоторое время вскиснуть. При приготовленіи ея, сверхъ того, наблюдается чтобъ не смотрѣлъ никто изъ постороннихъ, *щобъ не наврочилы* (огласили), а то кваша выдетъ дурная.

(4) Подсолнечникъ.

ихъ всѣхъ возможныхъ сортовъ, заботятся о нихъ впродолженіе цѣлаго лѣта, и скорѣе упустятъ изъ вида капусту или пшеничку (5), или другое какое-нибудь огородное растеніе, но ужъ гвоздики у нихъ всегда чудныя. И Боже сохрани, если узнаетъ какая-нибудь Маруся, что такой-то парень сказалъ, что у Насти *квитки* (6) лучше, чѣмъ у нея. Она и ночи не доспитъ, заработаетъ денегъ, и на слѣдующій годъ у ней явятся такіе же цвѣты, если еще не лучшіе. Надобно посмотрѣть на головы молодыхъ дѣвушекъ въ праздникъ: тутъ у ней и гвоздика, и васильки, и кручины панычи (7), и все, что только можетъ доставить богатая малороссійская флора. А къ вечеру каждая обыкновенно награждаетъ ими своего любовника, соединяя при этомъ нерѣдко и другаго рода награжденія....)

Диканька, какъ извѣстно, принадлежитъ князю Кочубею. Родъ Кочубеевъ происходитъ отъ крымскихъ князей, выѣхавшихъ въ Украйну въ XVI вѣкѣ. Она богата историческими воспоминаніями. Тутъ и Карлъ XII проходилъ съ своими полчищами, идучи къ Полтавѣ; тутъ жилъ Василій Леонтьевичъ Кочубей (8), пока безчестіе его дочери не побудило его ѣхать въ Москву. Тутъ и несчастная его дочь говорила эти слова своему любовнику: «Же хоть такъ сякъ, хоть такъ буде, а любовь межи нами не одмипиться. Нехай Богъ неправдываго карае; а я, хочь любишь, хочь не любишь мене, до смерти тебѣ, подлугъ слова свого, любыты и сердечне кохаты не перестану, *на злость моимъ ворогамъ*» (9). Удивительно, какъ могъ до такой степени хитрый Мазепа плѣнить молоденькую дѣвушку, будучи самъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ? — Не могу удержаться, чтобъ не разсказать здѣсь одно преданіе, относящееся къ этому случаю, переданное мнѣ одной почтенной старушкой, живущей въ Полтавѣ. Она увѣряетъ, что живо помнитъ все это происшествіе; но, вѣроятно, что отъ старости лѣтъ она смѣшала многіе разсказы своей матери и другихъ людей съ собственными воспоминаніями, что доказываютъ и ея годы: ей было тогда не болѣе пяти или шести лѣтъ, слѣдовательно не возможно, чтобъ она удержала въ памяти даже всѣ мелочи. Очень можетъ быть, что мать ея и была при этомъ, потому что и теперь существуетъ небольшой домикъ, не далеко отъ церкви Спаса Нерукотвореннаго Образа, въ которой, какъ извѣстно, Петръ Великій приносилъ благодарственный молебенъ послѣ побѣды

(5) Кукуруза. (6) Цвѣты. (7) Мѣстное названіе цвѣтовъ. (8) Кромѣ Диканьки у него были еще и другія деревни, изъ которыхъ нѣкоторыя достались ему за донось на гетмана Самуйловича, изъ имѣній этого же гетмана. Но «награжденный за не-правду, за правду онъ погибъ». (9) Исторія Малороссіи, Николая Маркевича, томъ 2-й. (Отъ XLIII до XLVII главы).

надъ Шведами; но дѣло не въ томъ, дѣйствительно ли она сама это видѣла, или слыхала отъ кого-нибудь. И вотъ ея простой разсказъ:— «Вотъ, какъ Богъ помогъ намъ разбить и отогнать проклятыхъ басурманъ отъ Полтавы, то Царь велѣлъ собраться всему народу подлѣ церкви Св. Спаса, чтобы служить благодарственный молебенъ. Вотъ, народъ и собрался *видимо-не-видимо*: тутъ и енералы разные были, и полковники, и другіе важные чины, просто тьма тьмущая, да и только. Стою я ни жива ни мертва, боюсь и пошевелиться: какъ вдругъ раздалось: «ѣдетъ, ѣдетъ!» Народъ разступился съ почтеніемъ, и священникъ съ крестомъ пошелъ ему на встрѣчу. Вотъ, смотрю я, встаетъ съ лошади высокій мужчина,—такой весь черный, глаза какъ огонь, волосы подняты вверхъ,—подошелъ сперва къ кресту, а потомъ поклонился на всѣ четыре стороны. Тутъ же сейчасъ началось и служеніе; когда служба отошла, то Государь вошелъ на возвышеніе, нарочно для этого устроенное, и началъ благодарить народъ за усердіе. Я уже ничего не могла разслышать, что онъ тамъ говорилъ, только и слышала, какъ онъ сказалъ: «А теперь прощайте, братцы». Тутъ къ нему подошла какая-то барыня, вся въ черномъ, и долго съ нимъ объ чемъ-то разговаривала; та все плакала, такъ что даже и у самого Царя показались слезы. Послѣ я узнала, что это была жена Василія Леонтьевича Кочубея, которому проклятый Мазепа, чтобъ ему на томъ свѣтѣ царствія небеснаго за это не было, отрубилъ голову. Государь подарилъ ей много деревень, въ томъ числѣ и Диканьку (*), вотъ, гдѣ теперь образъ Николая святаго угодника Божія».— При этомъ она посмотрѣла на кивотъ съ образами, стоящій въ углу ея комнаты, и произнесши: «Господи, прости мои согрѣшенія!», вздохнула, и снова принялась за свою всегдашнюю работу — чулокъ. Но я еще, въ другомъ мѣстѣ, постараюсь покороче познакомить васъ съ этой старушкой, съ ея скромнымъ, уютнымъ домикомъ, съ ея всегдашнимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Какъ теперь я вижу ее у окна (въ огромныхъ синихъ очкахъ) съ вѣчною своей работой, и нашептывающую что-то въ полголоса—то она читаетъ псалмы Давида! Но теперь не нашептываетъ она уже молитвъ, нѣтъ ужъ больше чистоты и порядка въ ея маленькомъ домикѣ, не ожидаетъ васъ въ немъ радушіе и радостный пріемъ, не надѣйтесь ужъ въ немъ найдти вкусный и славный обѣдъ—нѣтъ, теперь онъ стоитъ пустъ и сыръ, ставни забиты, дворъ не выметенъ, и только одна старая собака осталась вѣрна ему!....

Наконецъ, Александръ Благословенный, путешествуя по Россіи,

(*) Диканька, какъ извѣстно, гораздо прежде этого принадлежала уже Кочубею.

посѣтилъ Диканьку; въ память ему сдѣланы чугунныя ворота, напротивъ почтовой станціи. Отъ этихъ воротъ идетъ большая прямая аллея черезъ лѣсъ прямо къ дому князя Кочубея.—Смотря на этотъ чудный садъ, на эти огромныя поля, изобильныя хлѣбомъ, на эти густые лѣса, невольно воскликнешь:

Богатъ и славенъ Кочубей,
Его поля необозримы,
И табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы!

Въ 5 верстахъ отъ Диканьки находится дѣвичій монастырь, окруженный со всѣхъ сторонъ горами; видъ съ этихъ горъ чудный; вдали сверкаетъ Ворскла, дальше тянутся, въ огромной перспективѣ, лѣса, деревни, поля, покрытыя хлѣбомъ, и все это подернуто туманной синевой. Въ особенности живописна тропинка между горъ, ведущая прямымъ путемъ къ Диканькѣ. Въ семи же верстахъ лежитъ мѣстечко Великія Будища. Вообще всѣ мѣста кругомъ Полтавы носятъ на себѣ какое-нибудь историческое воспоминаніе о Шведахъ; такъ и въ Будищахъ, еще недавно показывали домъ, въ которомъ будто-бы была главная квартира Карла XII предъ осадою Полтавы, а теперь и слѣдовъ его не замѣтно. Что дѣйствительно въ Будищахъ была главная квартира Шведовъ, то объ этомъ говоритъ и Ригельманъ: «Потомъ, въ апрѣлѣ, когда извѣстно стало, что деташаментъ шведскій при мѣстечкѣ Будищахъ стоялъ, и въ ономъ была главная ихъ квартира, гдѣ и Мазепа, измѣнникъ, былъ, оныхъ войско россійское, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Шаумбурга и полковника Кропотова, изъ укрѣпленія ихъ выгнало, присланную отъ короля помощь разбило, въ полонъ многихъ побрало, и невольниковъ, жителей тамошнихъ, Черкасъ, нѣсколько сотъ отъ нихъ освободило».—Повторяю, что въ простонародіи существуетъ вообще много преданій, (которыя скорѣе можно назвать сказками), относящихся къ этому важному событію. Такъ, (*) объ шведской могилѣ, которая, какъ извѣстно, находится на седьмой верстѣ отъ Полтавы, существуетъ повѣріе, что въ ней зарыты большія богатства, но что достать ихъ нельзя никакими человѣческими силами: многіе ужъ пробовали, говорятъ они, но едва разрывали до половины, какъ тотчасъ же и умирали.

Будищи числятся теперь въ Зеньковскомъ уѣздѣ. Въ нихъ около десяти церквей, и живетъ довольно значительное число помѣщиковъ въ сравненіи съ другими мѣстечками, хотя старожилы и говорятъ, что прежде здѣсь было веселѣе, и помѣщиковъ живало вдвое болѣе про-

(*) Ихъ надо всѣ собрать и огласить. *Ред.*

тивъ теперешняго. Но suum cuique: прежде, можетъ быть, и больше здѣсь жило, и веселѣе проводили время, за то, теперь можно указать на одно обстоятельство, которое дѣлаетъ большую честь Будищамъ,—я говорю о пансіонѣ. Назадъ тому лѣтъ одиннадцать, двѣ благородныя дѣвицы З*..., побуждаемыя любовью къ просвѣщенію, рѣшились открыть небольшой пансіонъ для дѣвицъ, по большей части, дочерей сосѣднихъ помѣщиковъ. Одна изъ нихъ приняла на себя распоряженіе учебной частію, а другая—хозяйственной; кромѣ того здѣшній протоіерей преподаетъ правила Закона Божія.—Пансіонъ въ мѣстечкѣ: явленіе неслыханное до тѣхъ поръ въ здѣшнихъ мѣстахъ! Можете представить себѣ изумленіе жителей: «Что ужъ можетъ быть хорошаго въ пансіонѣ въ мѣстечкѣ», говорили многіе. Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, и начали выходить оттуда молодыя дѣвицы, конечно, нельзя сказать, что получившія образованіе въ полномъ смыслѣ этого слова, но можно смѣло сказать,—получившія прекрасную нравственность, выучившіяся порядочно читать и писать (для первоначальнаго времени и этого было довольно!), и пріобрѣтшія необходимыя познанія въ нѣкоторыхъ наукахъ,—и *нерасположеніе* жителей нѣсколько измѣнилось. Хотя и теперь, къ сожалѣнію, нужно сказать, что труды этихъ двухъ дѣвушекъ, такъ великодушно пожертвовавшихъ собою, почти совсѣмъ не вознаграждаются: нормальной платы не возможно положить, потому, что большая часть помѣщиковъ, пріѣзжающая отдавать дочерей своихъ въ пансіонъ, почитаютъ за необходимую обязанность торговаться за каждую копѣйку, а онѣ по своей деликатности почти всегда уступаютъ....

Жители какъ Диканьки, такъ и Будищъ занимаются хлѣбопашествомъ, какъ и вообще большая часть Малороссіянъ; скотоводство же составляетъ вторую степень промышленности, развѣ можно указать только на огромные овечьи заводы князя Кочубея, разсѣянные, впрочемъ, почти во всей Полтавской и другихъ губерніяхъ.—Да, кромѣ того, въ Будищахъ выдѣлываются глиняные горшки (составляющіе, конечно, незначительную степень торговли); они продаются обыкновенно на ближайшихъ окрестныхъ ярмаркахъ. Ежели вы встрѣтите огромный возъ съ плетенымъ изъ хвороста высокимъ ящикомъ, запряженный парою круторогихъ воловъ — то это «будицкій гончаръ».... **и тр.....ій.**

—

Извѣстія о **казанскихъ** событіяхъ нынѣшняго года я начну исчисленіемъ наградъ, полученныхъ воспитанницами Казанскаго Родіоновскаго института, во время экзаменовъ, бывшихъ 11, 12 и 13 января. *Золотое вензелевое изображеніе* имени Ея Император-